

Оригинальная статья / Original Article

Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России

© И.Л.НЕДЯК

Недяк Ирина Леонидовна, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), iraned@mail.ru.

Выраженная тенденция последних десятилетий – развитие в обществах республиканского типа отношений господства, которые изымают из демократических институтов и практик их изначальное содержание. Статья посвящена анализу степени и характера развития отношений господства в российском социуме. Рассмотрены и использованы разработанные в современных концепциях господства основные критерии дифференциации политических отношений и господства: генерализация правил, воспроизведение структур, произвольная власть, внешний контроль, управление набором возможностей. Автор анализирует данные четырех волн общероссийского репрезентативного опроса (2018, 2019, 2020, 2021 гг.), проведенного отделом социально-политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, и интерпретирует их с теоретико-методологических позиций неоклассической республиканской концепции господства как произвольной власти. В работе подтверждены и проиллюстрированы существенные отличия представлений о социальной среде, разные когнитивные и мотивационные установки граждан, которые полагаются и не полагаются на свою защищенность институциональным порядком от власти произвола. Приведены доказательства и примеры негативного влияния отношений господства на развитие российского общества.

Ключевые слова: политическая власть, господство, политика, коллективное воображаемое, когнитивные и мотивационные установки

Цитирование: Недяк И.Л. (2021) Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России// Общественные науки и современность. № 3. С. 30–45.
DOI: 10.31857/S086904990015418-1

Power and Domination in the Collective Imaginary. Factors of the (De)Formation of the Political Sphere in Russia

© I. NEDYAK

Irina L. Nedyak, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), iraned@mail.ru.

Abstract: Social relations of domination remove the original content of democratic institutions and practices. Steady development of social relations of domination is a vivid trend of recent decades. The goal of this article is to analyze the extent and nature of the domination social relations in contemporary Russia. The study uses the criteria of differentiation of political vs domination relations developed in modern conceptions of domination: generalization of rules, restructuration, arbitrary power, external control, management of a set of opportunities. The author uses data from the four waves of the all-Russian representative survey (2018, 2019, 2020, 2021), conducted by the Department of Socio-Political Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, to analyze and interpret it from the theoretical and methodological positions of the neoclassical republican conception of domination as arbitrary power. The article confirms and illustrates the essential differences in the collective imaginary, cognitive and motivational attitudes of citizens who rely and do not rely on their institutional protection from arbitrary power.

Keywords: political power, domination, politics, social imaginary, cognitive and motivational attitudes

Citation: Nedyak I. (2021) Power and Domination in the Collective Imaginary. Factors of the (De)Formation of the Political Sphere in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–45. DOI: 10.31857/S086904990015418-1 (In Russ.)

Процессы институционализации власти республиканского типа отличаются многообразием «инкарнаций» ее идеал-тиpических моделей. Чтобы адекватно описывать «жизненные биографии» демократических режимов и исследовать их развитие, необходимо проводить работу по более тонкой настройке традиционных и формированию новых подходов, переосмысливать и дополнять понятийный аппарат, проверять концепты и категории анализа на аналитическую и эвристическую ценность.

Выбор линз исследовательской оптики выполняет роль чуткого индикатора появления важных направлений в трансформации изучаемого объекта. С последней четверти прошлого века возрастает интерес к изучению политики и власти в современных политиях через призму концепта «господство». Целеполагание, принципы, механизмы и результаты республиканской политики анализируют и оценивают не только в рамках спектра «демократический с разными прилагательными», а с точки зрения ее предрасположенности к формированию или минимизации отношений господства – институционализированной власти человека (а не закона) над человеком. В фокусе такой оптики господство – форма неполитической и, следовательно, недемократической власти – предстает одновременно следствием и инструментом политики, которая по формальным признакам атрибутируется как демократическая.

Эмпирически доказано, что структуры и социальные отношения господства изымают из демократических институтов и практик их примордиальные смыслы, поглощают пространство публичной политики [Господство против политики...2019; Недяк, Патрушев, Павлова, Филиппова 2019]. Господство обоснованно определяется как одна из форм социальной патологии [Honneth 2015; Структуры господства...2020]. Однако, похоже, что порог чувствительности социума к нормативному и моральному порядкам господ-

ства снижается. На Западе эту тенденцию укрепляет беспрецедентно долгое кризисное состояние представительных демократий. В нашей стране положение усложняет незавершенность институционального порядка. Структуры и отношения господства создают барьеры для утверждения универсального политического порядка и конституирования политического пространства как условия и места демократических процедур и практик [Конституирование современной политики... 2018].

Представленный в статье анализ влияния структур, практик и этиса господства на формирование политического пространства выполнен в рамках комплексного исследования проблем институционализации современной политики в России. На протяжении многих лет данную работу проводят сотрудники отдела сравнительных политических исследований (далее ОСПИ) в Центре политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

В статье используются материалы массовых опросов (2018, 2019, 2020, 2021 гг.), которые ОСПИ проводил совместно с Центром социального прогнозирования и маркетинга под руководством Ф.Э. Шереги. Общий для всех трех опросов базовый инструментарий позволяет сопоставить результаты, выявить тенденции и создать единую базу размером 3400 респондентов (2018г. N700, 2019г. N700, 2020г. N1000, 2021г. N1000)¹.

Власть в форме господства подвергает эрозии политическое пространство России на стадии его формирования, в то время как в обществах западных демократий отношения господства расширяют «брекши» в институтах и практиках, имеющих долгую историю. Если учитывать российский контекст, следующие когнитивные и деятельностные компоненты (нелинейных) этапов политизации можно назвать более важными по сравнению с формальными избирательными формами политической активности:

- восприятие человеком себя как гражданина, который защищен политико-правовым статусом;
- способность к обнаружению и формулированию той или иной общественно значимой проблемы;
- осознание проблемы как имеющей политический характер и поддающейся изменению;
- понимание проблемы как предмета транспарентного и конкурентного выбора проектов и решений;
- восприятие человеком себя как субъекта социальных и политических отношений, который обладает правами и обязанностями;
- формирование способности, готовности и мотивации к поиску способов политического решения проблемы.

В пользу смещения фокуса анализа процессов политизации от участия в формальных демократических практиках к *empowerment*² говорят полученные ОСПИ данные: около 50% респондентов, заявивших, что они участвуют в политической деятельности, затруднились сформулировать цель своего участия.

Забегая вперед, скажем, что признаки политики эмансипации и *empowerment* сопрягаются с критериями, которые используют для дифференциации политики/политической власти и господства/неполитической власти в современном дискурсе господства.

¹ Объем выборок репрезентативен для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности. Отбор респондентов производился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18 лет и старше в федеральных округах, по типам поселений, а также с учетом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics.

² В русском языке нет термина, который сколько-либо соответствовал английскому термину *empowerment*. Его либо переводят как расширение возможностей и наделение полномочиями, приобретение возможностей, обретение власти и т.д., либо прибегают к транслитерации – эмпауэрмент. Автор предпочитает использовать оригинальный английский термин.

Власть и господство. Концепции и рамки анализа

Попытки сильного навязать отношения господства и стремление слабого их избежать сопутствуют человеческим отношениям. Философское и научное осмысление феноменологии власти и господства, равно как их соотнесенности, имеет долгую историю. Сложная структура сущностно оспариваемых и зонтичных концептов «власть» и «господство» не статична. Ей не дают устояться постоянные новые, пересмотренные или дополнительные объяснения, толкования, интерпретации и трактовки. Сложно найти непротиворечивое определение этих концептов и классификацию подходов к их анализу. Практически не существует элементов концепций власти или господства, которые не подвергают сомнению. Сколько-нибудь полный обзор (и тем более анализ) этого дискурса уведет далеко от темы статьи.

Мы выделим четыре теоретико-методологические посылки, которые в наиболее авторитетных современных концепциях власти и господства сформировали мерилы качества политики и власти на шкале с полюсами «господство/упразднение политики – политическая власть/политика эманципации и *empowerment*».

Господство – нормативно-нежелательная власть и социальная патология. В современном дискурсе господства доминирует его понимание с нормативных позиций. Теоретический дискурс господства наших дней можно назвать поствеберианским в том смысле, что он отошел от трех характерных черт социологии господства М. Вебера: определение власти почти исключительно в парадигме «власть над»; помещение вне фокуса внимания концептуализации власти в парадигме «власть для»; ценностно нейтральное определение власти и господства и, как следствие, их нормативное неразличение.

Роль господства в развитии социальных отношений совершенно по-разному определяется в веберианском ценностно-нейтральном и поствеберианском нормативном подходах к пониманию данного феномена. Согласно Веберу, господство и способ его реализации рождают «из аморфного действия общности его концептуальную противоположность – рациональное обобществление» (*Vergesellschaftung*), то есть социальное отношение и социальное действие, которые базируются на ценностно- или целерационально мотивированном компромиссе или объединении интересов [Вебер 2019, 23]. В поствеберианском дискурсе господства последнее представляют как социальную патологию, которая поражает здоровье общества. Ее проявления разноплановы, но они взаимосвязаны. Господство создает состояние стратегической неопределенности, дезориентирует действия общности, изымает у властных элит и граждан мотивацию к ориентированным на общее благо действиям и блокирует их реализацию, отчуждает граждан от политики, деформирует состояние гражданственности (чувство сопричастности, ответственности, солидарности), размывает гражданские добродетели (уважение к закону и согражданам, моральные нормы, активная гражданская позиция, эманципативные ценности).

Общепризнанное достоинство большинства современных концепций господства состоит в том, что они приспособлены для эмпирических исследований и привязывают «философскую рефлексию к реальной политике» [Шапиро 2019, 9]. Известный политический философ Иен Шапиро афористично высказался о пафосе изучения политики сквозь призму отношений господства: «не-господство предоставляет лучшую нормативную основу для размышлений о политике по сравнению с альтернативными идеалами» [Шапиро 2019, 10].

Не-господство определяют как высшую политическую ценность, ему отводят статус общего блага. Утверждают, что *raison d'être* демократического режима состоит в обеспечении и поддержании защиты от господства всех членов политии. Демократию, ее институты и практики считают инструментальными ценностями – обусловливающим,

вспомогательным благом. Отмечают, что демократические институты и практики, с одной стороны, лучше приспособлены для минимизации отношений господства и расширения пространства политической власти в республиканских режимах. С другой стороны, они сами продуцируют отношения господства и/или создают институциональные барьеры, препятствующие его минимизации [Pettit 2016; Republicanism...2008].

Господство – власть произвола, которая встроена в структуры общества. Как лучше всего выявить и описать социальные отношения господства? Через структуры, которые его продуцируют и поддерживают. Рабочими – подтвердившими свою аналитическую и эмпирическую ценность – признают в первую очередь те концепции, в которых социальные отношения господства определяют и анализируют как особую форму власти, встроенную в структурные отношения (*structure-based conceptions*). Структурное измерение господства дополняют инструментарием так называемых описательных концепций (*outcome-based conceptions*). Его используют для «взвешивания» результатов или последствий взаимодействия акторов в случаях, когда субъект власти, имея власть над объектом, получает выгоду за счет последнего, ущемляя его базовые интересы [Lovett 2010].

В самом общем виде под господством понимается состояние, «испытываемое человеком или группой лиц, в той степени, в какой они зависят от социальных отношений, в которых какой-то другой человек или группа лиц обладают произвольной властью над ними» [Lovett 2010, 15].

Господство определяют как власть в форме произвола (*arbitrary power*). Данная власть, по выражению Ф. Петтига, вырвалась из клетки закона и больше не ограничена известными всем заинтересованным лицам правилами, процедурами или целями. Социальная власть произвольна, когда субъект власти может её осуществлять по своей прихоти и не встречает при этом системного противодействия институциональной среды.

Главный редактор *Journal of Political Power* М. Хаугаард добавляет важные ракурсы в структурное измерение отношений господства. Он показывает, что во всех четырех измерениях власти – концепциях Р. Даля, П. Бахрака и М. Бараца, С. Льюкса, М. Фуко – присутствует потенциал и нормативно-желательной, и нормативно-нежелательной власти. Она становится нормативно-нежелательной и принимает форму господства, когда в ее основополагающие задачи не входит обеспечение институциональных условий для (а) генерализации правил, (б) воспроизведения структур и (в) недопущения использования любого участника социального взаимодействия в качестве инструмента достижения корыстной цели субъекта власти [Хаугаард 2019]. Хаугаард опирается на теорию структурации А. Гидденса: структуры одновременно порождают правила и обеспечивают возможность для их генерализации. Если использовать лексику Ф. Петтига, генерализация правил и воспроизведение структур – та самая «клетка», которая удерживает склонных к оппортунизму субъектов власти в рамках институционального порядка. Когда условия выполняются, все агенты социального взаимодействия обретают диспозиционную власть, что исключает возможность использования одной из сторон другой стороны в качестве инструмента.

Господство – обеспечиваемый структурами внешний контроль над набором возможностей объекта воздействия. Понятия господство, произвольная власть и внешний контроль считают синонимичными. Во всех субстантивных концепциях господства, в критической теории Франкфуртской школы и в многомерных концепциях власти внешний контроль называют признаком нормативно-нежелательной власти. Согласно Ф. Петтигу, автору данной концепции, субъект власти осуществляет внешний контроль над объектом власти, когда субъект контролирует набор возможностей объекта, при этом последний не имеет власти над первым [Pettit 2008, 106].

Господство в ипостаси внешнего контроля из-за встроенности в структуры приобретает все более изощренные и деструктивные способы управления набором возможностей объек-

тов. Приведем ряд средств и форм, которые субъект господства использует для «переформатирования» набора опций объекта воздействия: управление политической повесткой; установление норм социальных отношений и статуса участников взаимодействия, формирование «совокупности предопределяющих ценностей, мифов, убеждений, ритуалов, установленных институциональных процедур и правил игры, которые систематически и стабильно обеспечивают выгоду определенным индивидам и группам за счет других» [Bachrach, Baratz 1962, 259]; манипулятивное управление сознанием, формирование представлений о «правильных» или желаемых целях и возможностях их достижения плюс лишение социальных субъектов способности критически осмысливать и оценивать нормативное и правовое содержание социальных практик [Lukes 1974]; создание ложных ценностей и тотальное программирование общества на них [Маркузе 2003]; создание человека, нормализованного системой Паноптикума [Foucault 1980].

Власть в форме господства не только создает специфические нормы и правила социального взаимодействия, но и принуждает к их «добровольному» соблюдению, снижая у объектов воздействия способности к рефлексии и дискурсивному сознанию.

Власть господства создает для «реципиентов» определенный образ социальной реальности и паттерны поведения для встраивания в нее. Манипулятивное управление набором возможностей формирует «нужные» представления о «нормальном» социальном порядке, о «подобающих» месте и роли в нем (коллективных) акторов, о доступных им и «правильных» правах и обязанностях. Адаптацию к отношениям господства позиционируют и продвигают как наиболее эффективную жизненную стратегию.

Достигнув определенной глубины, отношения господства проявляются в дисциплинирующем общем знании и в коллективном воображаемом: разделяемом представлении о социальной реальности действующих в ней правилах поведения и нормах, о том, «что делает эти нормы осуществимыми» [Тейлор 2017, 225].

Власть и господство: демиурги разных коллективно воображаемых реальностей

«Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям» [Thomas, Thomas 1928]. Эта максима американских социологов Уильяма и Дороти Томас – хороший эпиграф к рассмотренным ниже данным о том, как социальное воображаемое, которое формируется в сферах отношений власти *vs* господства, влияет на «способы, благодаря которым они [люди] представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями» [Тейлор 2010].

В задачи эмпирических исследований ОСПИ входило выявление факторов формирования отношений власти и господства в России, анализ их влияния на процессы (де) институционализации и (де)политизации, на нормы и практики взаимодействия, на (де) формирование гражданских добродетелей, гражданского и политического участия. Отдел исследовал ресурсы и ингибиторы политики эманципации, «нащупывал» (в первую очередь нормативно-ценостные) основания возможных стратегий социальных и политических трансформаций.

Данные массовых опросов анализировались с разных методологических позиций, общим стержнем оставался неоинституциональный подход. Ниже представлены результаты анализа, проведенного с опорой на неоромансскую концепцию господства как произвольной власти [Skinner 2002; Pettit 2016; Lovett 2010]. Ее считают, пожалуй, самой авторитетной и разработанной в современном теоретическом дискурсе господства. Стержень этой концепции формирует теория свободы не-господства (*freedom as*

non-domination), которая отсылает к онтологии политической философии романской ветви республиканизма³.

Свободу как не-господство определяют как институциональное обеспечение условий, которое не допускает произвольного вмешательства и/или вероятности произвольного вмешательства любого агента в свободный выбор своего визави. Свобода как не-господство означает независимость от воли другого, которую обеспечивает политико-правовое состояние гражданина, защищенного от произвола государства и сограждан правовыми и моральными порядками.

В (neo)романской республиканской доктрине состояния свободы (*liber*) и гражданина (*civis*) тождественны. Они противопоставлены положению человека, который находится в зависимости от воли другого – раба (*servus*). Отношения господина и раба – paradigmaticальный пример понимания господства в романской школе. Он раскрывает суть свободы как не-господства и ее отличие от концепции негативной свободы (свободы от вмешательства) в трактовке И. Берлина. Если господин (неважно по какой причине) не вмешивается в жизнь раба, то последний, согласно И. Берлину и традиционному либеральному пониманию свободы, считается свободным. Однако в логике теории свободы как не-господства, такой свободный от вмешательства хозяина раб безусловно остается несвободным, ибо он продолжает пребывать под властью господина. Свободу как не-господство обеспечивает защита не только от произвола власти, но и от возможности ее применения.

Насколько защищенными от произвола власти или возможности его применения чувствуют себя граждане РФ? В опросах ОСПИ респондентам предлагалось ответить на вопрос, считают ли они, что сегодня могут рассчитывать на равную защиту со стороны закона в отношениях с государством. В соответствии с логикой концепции господства как произвольной власти, мы выделили две группы (подвыборки). Респонденты, которые заявили о своей уверенности в том, что находятся с государством в правовых и реципрокных отношениях, отнесены к группе, названной *civis*. Вторая подгруппа получила – подчеркиваем это особо – ценностно нейтральное название *servus*. Ее составили респонденты, которые не считают себя защищенными от произвола со стороны субъектов государственной власти или затруднились с ответом. Дальнейший анализ показал, что в представлениях респондентов выделенных групп сформировались две очень разные социальные реальности – политического пространства и сферы господства.

Соотношение респондентов, уверенных и неуверенных в защищенности законом при взаимодействии с государством было ожидаемым, но все же шокирующим: 18% против 63%. 19% затруднились с ответом, что, по сути, также говорит об отсутствии у них уверенности. Такой расклад предопределил схожесть представлений о социальном порядке совокупной выборки и подвыборки *servus*. Мы оцениваем близость смысловых полей всей выборки и группы *servus* как важнейший дисфактор формирования в России политики, нацеленной на эманципацию и *empowerment*. Полагаем, что негативное влияние отношений господства на развитие модернизационного потенциала страны драматически недооценено.

Отметим отсутствие серьезных отличий в социально-демографических характеристиках выделенных подвыборок.

В составе двух групп самая большая (хотя с незначительным показателем) разница обнаружилась среди респондентов, имеющих высшее и среднее специальное образование

³ Республиканскую политическую философию и теорию представляют и развивают две школы – афинская и римская. В современном республиканизме – неореспубликанизме – их принято обозначать как «гражданский гуманизм», «коммунитаризм» и «неоклассический», «неороманский», «инструментальный» республиканизм соответственно.

ние – по 5 п.п. Перевес в первом случае в группе *servus*, во втором – *civis*. Возрастные профили подвыборок также в целом схожи. Отметим лишь, что в группе *civis* на 5 п.п. больше респондентов в возрасте 18–30 лет. Эта возрастная когорта считается наиболее восприимчивой к политической культуре активистского типа.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики групп респондентов, выделенных по принципу уверенности в защите закона при взаимодействии с государством

Table 1

Socio-demographic characteristics. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities

	Удельный вес квоты в выборке	Группа <i>civis</i>	Группа <i>servus</i>
Пол			
Мужской	46	45	47
Женский	54	55	53
Возраст			
18–30 лет	18	22	17
31–40 лет	23	20	23
41–50 лет	23	23	24
51–60 лет	16	15	17
Старше 60 лет	19	21	19
Образование			
Неполное среднее, среднее	12	14	12
Среднее специальное	53	57	52
Незаконченное высшее	6	5	6
Высшее, есть ученая степень	28	24	29

Какое общее понимание социальной реальности сложилось у респондентов каждой группы? Начнем с анализа представлений об основах общества в современной России.

По мнению респондентов, в иерархии основ российского общества выгода занимает самое высокое положение (совокупная выборка 43%). В группе *civis* это мнение разделяют в меньшей степени (32%); в группе *servus* – в большей (46%).

Обратим внимание, что респонденты группы *servus* (и вся выборка в целом) поместили на первое место выгоду, а респонденты группы *civis* – закон. Более того, самое значительное различие (23 п.п.) проявляется именно при определении места закона в основах российского общества. Респонденты группы *civis* высоко оценивают отечественный порядок законоправия (61%), что резко контрастирует с 38% группы *servus* и 42% всей выборки.

Данные опроса подтверждают известный постулат о том, что представления о доминирующих нормах и правилах формируют вполне определенные практики, которые, в свою очередь, укрепляют эти нормы и правила. Респонденты, ощущающие себя в сфере политических отношений, отличаются приверженностью закону. 75% респондентов этой группы считают, что законы можно и нужно выполнять. С ними согласны лишь 33% респондентов группы *servus*. О степени их правового нигилизма можно судить по тому, что четверть респондентов (25%) уверены в том, что в России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять. Это мнение разделяют лишь 4% респондентов группы *civis*.

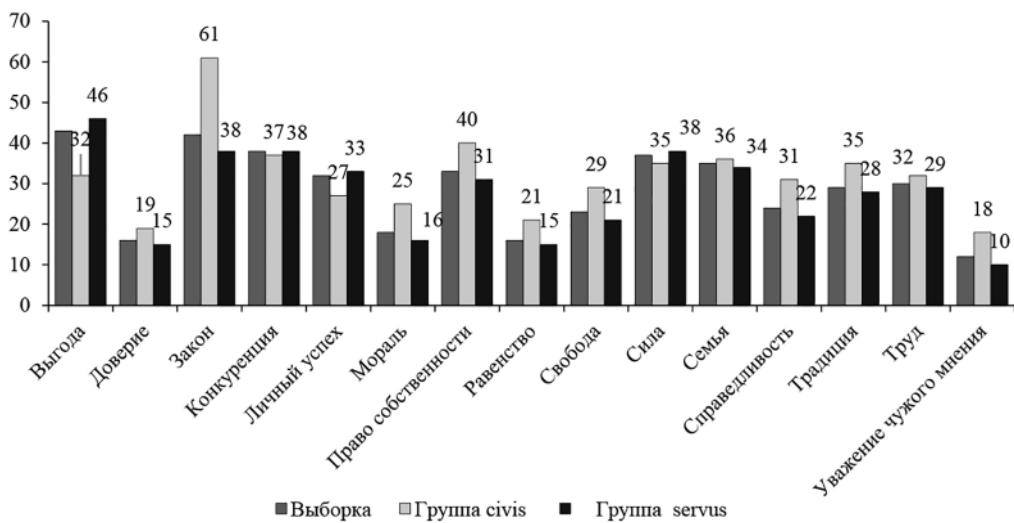

Рис. 1. Представления об основах общества в современной России респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 1. Perceptions of the foundations of modern Russian society. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

Согласно концепции господства как произвольной власти, свобода от господства возможна только в условиях правового режима, но ее обеспечение не сводится исключительно к соблюдению принципа верховенства права. Республиканцы опираются на рассуждения Н. Макиавелли: хорошим гражданина делают хорошие законы. Ф. Петтит подчеркивает, что «законы создают свободу, разделяемую всеми гражданами». Они выполняют эту функцию тогда, когда «уважают общие интересы и идеи людей... не становятся орудием произвола со стороны любого индивида или любой группы... Когда законы становятся орудием воли, мы получаем режим... в котором граждане превращаются в рабов и полностью лишаются свободы» [Петтит 2016, 83].

Инструментом или орудием чьей воли выступают законы в представлениях россиян? Больше половины респондентов группы *civis* (53%) считают, что законы нужны для того, чтобы помогать гражданам в решении их проблем. С таким мнением согласны 37% респондентов второй группы.

Эти оценки сопрягаются с представлениями граждан о степени защиты их важнейших демократических прав. Респонденты групп *civis* и *servus* считают очень хорошо и хорошо защищенными следующие права: избирать своих представителей в органы государственной власти (60% и 35% соответственно – здесь и далее), контролировать власть (35% и 14%), получать информацию (61% и 41%), на мирные собрания и митинги (46% и 21%). Очевидно, что представления двух групп респондентов о политико-правовых условиях участия в жизни политики и «место» их коллективно воображаемой среды на шкале «политическая власть–господство» отличаются.

Что сближает социальное воображаемое выделенных подвыборок? Респонденты обеих групп убеждены, что в иерархии основ российского общества самое низкое положение занимают доверие (19% и 15% – здесь и далее данные по группе *civis* и группе *servus* соответственно), равенство (21% и 15%), мораль (25% и 16%).

Для того, чтобы выяснить представления граждан о целеполагании политики современной России, респондентам, наряду с прочими, был задан вопрос о том насколько,

по их мнению, основные государственные и общественные структуры ориентированы на служение общему благу.

Рис. 2. Ориентированность государственных и общественных структур на интересы граждан в представлениях респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 2. Perceptions of the state and public structures' citizen-centred approach. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

При сопоставлении выявленных «рейтингов» и «антирейтингов» обращают на себя внимание две особенности: сходство абрисов коллективного воображаемого в части целеполагания структур и очень большая разница в оценках их ориентированности на интересы граждан.

Согласно данным всей выборки, в тройку самых ориентированных на интересы граждан вошли президент (47%), общественные организации (40%) и правительство (33%). К тройке менее всего учитывающих интересы граждан в своей деятельности респонденты отнесли структуры, которые традиционно считаются главными ресурсами расширения участия граждан в обсуждении содержания общего блага и принципов его распределения. Это политические партии (18%), местная власть (29%) и профсоюзы (33%).

Как распределены «призовые места» в подвыборках? Респонденты группы *civis* три первых места «присудили» президенту (81%), полиции (64%) и правительству (64%). Три последних места солидарно с общей выборкой они отдали местной власти (50%), профсоюзам (43%) и политическим партиям (40%), лишь поменяв местами профсоюзы и местную власть.

Мнение респондентов, которые ощущают себя в сфере действия власти произвола, заметно отличается. Наиболее ориентированными на служение интересам граждан они считают президента (39%), общественные организации и профсоюзы (36% и 30% соответственно); наименее – губернаторов (25%), местную власть (24%) и общего антилидера – политических партий (13%).

Как и вся выборка, респонденты групп *civis* и *servus* первое место отдали президенту, но с разницей в 42 п.п. (81% и 39% соответственно). Одновременно 79% первой группы

и 53% второй считают, что деятельность В.В. Путина «отлично» и «хорошо» ориентирована на интересы граждан. Полагаем, что столь существенную разницу в оценках респондентами группы *servus* работы президента (института – 39% и персоналии – 53%) можно отчасти объяснить характерными для сферы отношений господства аффективной логикой и низким уровнем институционального доверия. В пользу данного предположения говорит выраженное несходство оценочных суждений респондентов групп *civis* и *servus* о том, насколько ориентированы на интересы граждан представители исполнительной власти: губернаторы (59% против 25%) и правительство (64% против 27%). Дополнительный аргумент и перспективный для «резерва» гражданского самстояния момент – два вторых «призовых места» респонденты группы *servus* отдали общественным организациям и профсоюзам.

Обратимся к представлениям о политической среде и рассмотрим, как они влияют на когнитивные и мотивационные установки респондентов.

Rис. 3. Представления о власти и политике респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 3. Perceptions of political power and politics features. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

Треть респондентов подгруппы *civis* (31%) согласна с утверждением о том, что власть в российском обществе действует в интересах большинства населения. Изначально данный показатель кажется недостаточно высоким – но лишь до сравнения с оценками совокупной выборки и группы *servus*. Только 6% ее респондентов разделяют такую уверенность (вся выборка – 11%).

70% ощущающих себя в сфере действия власти считают, что в основе российской политики лежит выгода и почти в два раза меньше (40%) – уверенных в своем правовом и политическом статусе *civis*. Убежденность в том, что политика в России основана на принципах соблюдения прав человека, разделяют 33% респондентов группы *civis* и лишь 9% от группы *servus* (общая выборка – 16%). 62% респондентов первой группы и 36% второй верят в то, что политика в России основана на принципах закона. Представление о политике как игре без правил сложилось у 21% респондентов, считающих, что они на-

ходятся в сфере действия правового поля, и у 30% респондентов группы *servus*.

Дальнейший анализ показывает, как индивиды осваивают воображаемые общественные значения и как представления граждан о доминирующем характере социального взаимодействия влияют на их когнитивные установки.

Rис. 4. Когнитивные установки респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 4. Cognitive attitudes. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

Вновь привлекает внимание выраженная несходность абрисов представлений респондентов двух подвыборок. С разницей в 36 п.п. респонденты группы *civis* и *servus* согласны с тем, что людям можно доверять (47% и 11% соответственно).

Уровни межличностного и системного доверия прямо коррелируют с предрасположенностью к заботе об общем благе и включенности в жизнь сообщества. Доверие входит в обязательный набор эмансипаторных модерновых ценностей и сопрягается с другими его составляющими – например, с готовностью и способностью к организации коллективных действий для защиты общих интересов. Данные опроса подтверждают, что предрасположенность к совместным действиям прямо соотносится с тем, склонны ли респонденты доверять людям или подозрительно к ним относятся. 43% респондентов группы *servus* убеждены, что каждый сам решает свои проблемы и нет особого смысла объединяться с другими. Сторонников такой позиции в группе *civis* в два раза меньше – 20%.

Социальное воображаемое включает в себя важнейшие основания гражданской идентичности и *empowerment* – веру человека во власть над собой, в способность оказывать влияние на решения, имеющие общественное значение. 16% респондентов из группы верящих в свою свободу от власти произвола согласны с тем, что нет смысла голосовать, «все решают без нас». В группе *servus* так считают в два раза больше респондентов (32%). 27% респондентов первой группы согласны со следующим утверждением: «Интересы таких людей, как я, при формировании и реализации политики не учитываются ни на каком уровне». В группе *servus* синдром маленького человека испытывают почти в два раза больше респондентов (53%).

Анализ мотивационных установок выявил у респондентов, которые ощущают себя в сфере политического взаимодействия, большую включенность в формальные демократические практики. Группа *civis* в три раза превышает показатели группы *servus* по относящим себя к активистам (15% против 5%). Почти в два раза больше респондентов группы *civis* считают себя сторонниками какой-либо партии (31% против 15%). Уверенные в своем политико-правовом статусе *civis* проявляют более высокую избирательную активность. Заявили, что голосуют на выборах президента, в Государственную думу, на региональных выборах 70%, 57% и 59% респондентов в группе *civis* и 35%, 47%, 32% в группе *servus* соответственно.

Важно отметить, что респонденты группы *civis* демонстрируют большую предрасположенность к политическому участию (т.е. к воспроизведению существующих политических практик), а респонденты группы *servus* – к политическому действию (т.е. к изменению существующих практик). 38% респондентов первой группы и 15% второй устраивает положение дел в России. Согласны с тем, что существующий порядок в России надо полностью поменять 16% считающих себя защищенными от произвола государства и 34% респондентов, у которых такой уверенности нет. 49% опрошенных из группы *civis* и 41% из группы *servus* не готовы принять участие в осуществлении желаемых перемен. Предпочтут не вмешиваться при нарушении правил, если эти нарушения не затрагивают их личные интересы, 38% представителей первой группы и 28% – второй.

Данные исследования позволяют предположить, что это отражение господства еще не размыл основания скрепляющих социум нормативных представлений о должном (рис. 5).

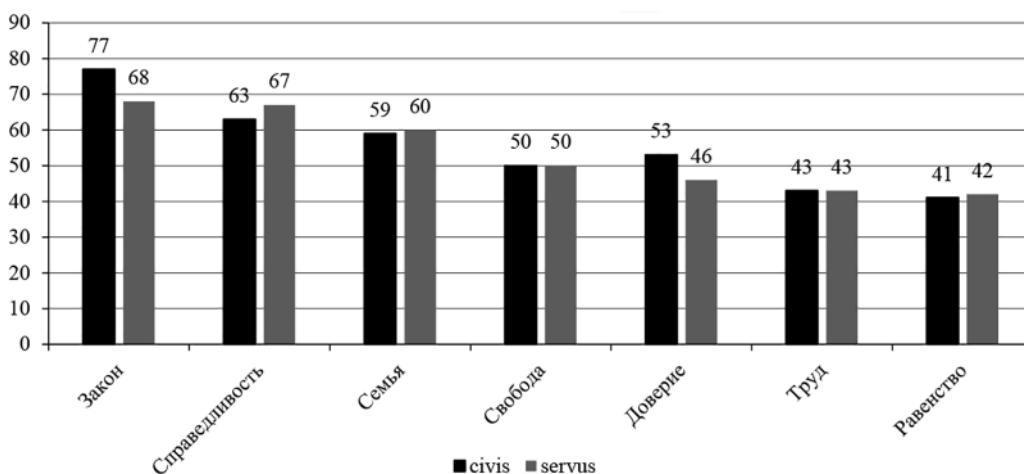

Рис. 5. Что наиболее важно для будущего России? Представления респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью

Figure 5. Vision of the most important norms and principles for Russia's future. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities

Первые три места респонденты обеих групп присудили закону (77% и 68%), справедливости (63% и 67%) и семье (59% и 60%)⁴. Респонденты группы *civis* на четвертое и пятое места поставили доверие (53%) и свободу (50%). Группа *servus* разделила это мнение, сделав

⁴ Был задан вопрос «Что, на Ваш взгляд, наиболее важно для будущего России?» с возможностью выбрать любое количество ответов из меню: 1. Выгода, 2. Доверие, 3. Закон, 4. Конкуренция, 5. Личный успех, 6. Мораль, 7. Право собственности, 8. Равенство, 9. Свобода, 10. Сила, 11. Семья, 12. Справедливость, 13. Традиция, 14. Труд, 15. Уважение чужого мнения.

лишь рокировку позиций: свобода (50%) и доверие (46%). Обе группы сошлись во мнении и о главном аутсайдере: на последнее место поставлена выгода – 9%. Интегративную функцию нормативно-ценностных установок и ориентаций иллюстрируют любопытные данные. На вопрос, позволяет ли устройство российского общества чувствовать себя его полноправным членом, утвердительно ответили 44% респондентов, отрицательно – 43%. Уверены в защите закона при взаимодействии с государством 29% респондентов, которые считают себя полноправными членами общества и лишь 8% не воспринимающих себя таковыми. В то же время суждения респондентов обеих групп о важных для будущего России принципах и ценностях полностью совпадают: права человека – 91% и 92%; равенство – 85% и 84%; свобода – 87% и 87%; закон – 91% и 91% соответственно.

Вместо заключения

Эмпирические исследования подтверждают, что принципы и правила отношений в сферах политической власти и господства проецируются на представления людей о социальном и политическом порядках, о доминирующих в политии нормах и практиках, о наиболее эффективных и «правильных» стратегиях и паттернах поведения. Существование двух разных воображаемых реальностей у граждан одной страны – мощный фактор социetalной дезинтеграции. Нормативно-ценостные установки граждан в части их представлений о должном пока справляются с функцией сохранения общего смыслового пространства отечественной политии. Однако укрепление структур, отношений и «морального кодекса» господства ставят под вопрос не только будущность сбалансированного репертуара коллективных действий, но и любых стратегий в логике политического взаимодействия с ненулевым результатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельности жизни* = The Human Condition (1958). СПб.: Алетейя. 437 с.
- Бебер М. (2019) Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. IV. М.: ИД ВШЭ. 479 с.
- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений (2019) Отв. ред. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. М.: Политическая энциклопедия. 319 с.
- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы (2018) Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 262 с.
- Льюкс С. (2010) Власть: Радикальный взгляд. = Power: A Radical View (2005) М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 240 с.
- Маркузе Г. (2003) Одномерный человек. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». 331с.
- Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. (2020) Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 42–53.
- Петтит Ф. (2016) Республиканизм. Теория свободы и государственного правления = Republicanism: A Theory of Freedom and Government (1997). М.: Изд-во Института Гайдара. 488 с.
- Структуры господства, граждане и институты (2020) Отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 318 с.
- Тейлор Ч. (2010) Что такое социальное воображаемое // Неприкосновенный запас. №1. (<https://magazines.gorky.media/nz/2010/1/cto-takoe-soczialnoe-voobrazhaemoe.html>).
- Хаугаард М. (2019) Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. № 3. С. 30–62.
- Шапиро И. (2019) Политика против господства. М.: Практис. 476 с.

- Bachrach P., Baratz M. (1962) Two Faces of Power // American Political Science Review. Vol. 56. Issue 4. P. 947–952.
- Dahl R. (1957) The Concept of Power // Behavioral Science, № 1. P. 101–215.
- Foucault M. (1979) Discipline and Punish: The Birth of the Prison. N. Y.: Vintage, 333 p.
- Honneth A. (2015) Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life (New Directions in Critical Theory). N.Y.: Columbia University Press, 448 p.
- Lovett L. (2010) A General Theory of Domination and Justice. Oxford: Oxford Univ. Press. 746 p.
- Lukes S. (1974) Power: A Radical View. L.: MacMillan. 62p.
- Pettit Ph. (2008) Republican Liberty: Three Axioms, Four Theorems. In: Republicanism and political theory. C. Laborde, J. Maynor (eds.). Oxford: Blackwell. P. 102–132.
- Republicanism and political theory (2008) C. Laborde, J. Maynor (eds.) Oxford: Blackwell. 296 p.
- Skinner Q. (2002). A Third concept of liberty // Proceedings of the British Academy. Oxford, NY: Oxford Univ. Press. Vol. 117. P. 136–268.
- Thomas D.S., Thomas W.I. (1928) The child in America: Behavior problems and programs. In: Thomas W.I. *The Methodology of Behavior Study*. Chapter 13. New York: Alfred A. Knopf. P. 553–576.

REFERENCES

- Arendt X. (2000) *Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni* [The Human Condition]. Saint-Petersburg: Aletejya. p. 437.
- Bachrach P., Baratz M. (1962) Two Faces of Power // American Political Science Review. vol. 56. issue 4. pp. 947–952.
- Dahl R. (1957) The Concept of Power // *Behavioral Science*. vol. 1. pp. 101–215.
- Foucault M. (1979) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New-York.: Vintage. P.337.
- Gospodstvo protiv politiki: rossiskij sluchaj. Effektivnost' institucional'noj struktury i potencial strategij politicheskikh izmenenij* (2019) [Domination vs. Politics: the Russian case. The Effectiveness of the Institutional Structure and the Potential of Political Change Strategies]. Otv. red. Patrushev S.V., Filippova L.E. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. p. 319.
- Haugaard M. (2019) Pereosmyslenie chetyrekh izmerenij vlasti: dominirovanie i rasshirenie vozmozhnostej [Rethinking the Four Dimensions of Power: Dominance and Empowerment] // *Politicheskaya nauka*. vol 3. pp. 30–62.
- Honneth A. (2015) *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life (New Directions in Critical Theory)*. Columbia University Press. p. 448.
- Konstituirovanie sovremennoj politiki v Rossii: institucional'nye problemy* (2018) [Constitution of Modern Politics in Russia: Institutional Problems] Otv. red. S.V. Patrushev, L.E. Filippova. M.: Politicheskaya enciklopediya. p. 262.
- Lovett L. (2010) *A general theory of domination and justice*. Oxford: Oxford Univ. Press. p. 746.
- Lukes S. (1974, 2010) *Power: A Radical View*. London: MacMillan. p.62.
- Markuze G. (2003). *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional Man]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak». p. 331.
- Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S.V., Filippova L.E. (2020) Politicheskoe pole i zona vlasti: versii ideal'nogo tipa i opyt empiricheskoy verifikacii [The Political Field and the Zone of Power: Versions of the Ideal Type and the Experience of Empirical Verification] // *Sociologicheskie issledovaniya*. vol. 1. pp. 42–53.
- Pettit F. (2016) *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism. A Theory of Freedom and Government] Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. p. 488.
- Pettit Ph. (2008) Republican liberty: three axioms, four theorems. In: *Republicanism and political theory*. C. Laborde, J. Maynor (eds.). Oxford: Blackwell. pp. 102–132.
- Republicanism and political theory* (2008) C. Laborde, J. Maynor (eds.) Oxford: Blackwell. p. 296.
- Shapiro I. (2019) *Politika protiv gospodstva* [Politics against Domination]. Moscow: Praksis. p. 476.
- Skinner Q. (2002). A third concept of liberty // *Proceedings of the British Academy*. Oxford, NY: Oxford Univ. Press. vol. 117. pp. 136–268.
- Strukturny' gospodstva, grazhdane i instituty'* [Structures of Domination, Citizens and Institutions] Otv. red S. V. Patrushev, L. E. Filippova. Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya. p. 318.

Tejlor Ch. (2010) Chto takoe social'noe voobrazhaemoe [What is the Social Imaginary]. *Neprikosnovennyj zapas*. vol.1. (<https://magazines.gorky.media/nz/2010/1/chto-takoe-soczialnoe-voobrazhaemoe.html>).

Thomas D.S., Thomas W.I. (1928) The child in America: Behavior problems and programs. In: Thomas W.I. *The Methodology of Behavior Study*. ch. 13. New York: Alfred A. Knopf. pp. 553–576.

Veber M. (2019) *Xozyajstvo i obshhestvo: ocherki ponimayushhej sociologii* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology]: in 4 t. T. IV. Moscow: ID VShE.

Об авторе

Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: Кржижановского ул., д. 24/35, к. 5, Москва, 117218. E-mail: iraned@mail.ru

About the author

Irina L. Nedyak, Doctor of Sciences (Political Science), Chief Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: iraned@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 17.05.2021